

Иогансон Исаакович ЗИЛЬБЕРФАРБ

ШАРЛЬ ФУРЬЕ и ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Французский ежегодник 1966

М.: Наука. 1967. С.68-87

Веб-публикация: Vive Liberta, 2011

Ссылки на материалы к теме даны нами после статьи

Вопрос об отношении Шарля Фурье к Великой французской революции, а вместе с тем и вообще к революционному насилию как пути к переустройству общества имеет значение научное и политическое.

Широко распространен взгляд, будто Фурье, как и другие представители раннего социализма, был безусловным противником всякого революционного насилия. Немало сделали для этого фурьеристы, особенно эпигоны фурьеризма, выступавшие под флагом «миротворческой демократии». Представление об антиреволюционности или даже контрреволюционности Фурье развивалось и развивается также в большей части фурьероведческой литературы. Высказывания же самого создателя социетарной теории, оправдывающие Французскую революцию и не исключающие возможности применения революционного насилия как пути к коренному переустройству общества, большей частью игнорируются, если не замалчиваются сознательно.

Один из старейших фурьеристов, Шарль Пелларен, первый биограф Фурье¹, сам придерживавшийся крайне контрреволюционных взглядов, презрительно отметаивший «всю ветошь 1793 года»² и с возмущением отзывавшийся об «отвратительных сатурналиях этого времени»³, положил начало версии об абсолютной антиреволюционности Фурье. Он писал, что Фурье «сохранял более живое воспоминание о зле, которое причинила Революция в своем бурном ходе, чем о добре, какое она произвела», и что он терял хладнокровие, когда слышал, что его теории приписывают хоть малейшее сродство с революционными проектами и учениями»⁴. Однако и Пелларен отмечал, что Фурье считал путь революции иллюзорным из-за «недостаточности этого великого движения, отмеченного стольким героизмом, сопровождавшегося столькими бедствиями, для решительного улучшения доли трудящихся масс»⁵.

Именно стремление к коренному улучшению доли трудящихся масс и признание недостаточности Великой революции для достижения этой цели — вот ключ к пониманию позиции, занятой Фурье по отношению к этой революции. Объяснение такой позиции, которую занимал не один Фу-

¹ Ch. Pellarin. Notice biographique sur Charles Fourier, suivi d'une exposition de la théorie sociétaire. Paris et Besançon, 1839. Позднейшие издания выходили под измененными заглавиями.

² Ch. Pellarin. Vie de Fourier. 5-e éd. Paris, 1874, Préface.

³ Ibid., p. 42.

⁴ Ibidem.

⁵ Ibid., p. 42—43.

рье, дал в свое время Энгельс. Отметив, что буржуазный порядок, утвержденный революцией 1789—1794 гг., оказался «злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей»⁶, Энгельс полагал, что именно в связи с этим Фурье отрицательно относился к Французской революции и «питал сильную ненависть к философии, жестоко ее высмеивал в своих произведениях»⁷. Социальная критика Фурье по существу своему была направлена против буржуазной ограниченности этой революции, против буржуазной ограниченности этой философии.

Такое объяснение антиреволюционных высказываний Фурье развил позднее Август Бебель в своей книге о Фурье, его жизни и учении. По словам Бебеля, «он не мог сблизиться с ходом Революции»⁸, так как народные массы выиграли от нее неизмеримо меньше, чем классы, связанные с торговлей, злейшим врагом которой был Фурье. К тому же революционное насилие, крайним выражением которого был якобинский террор, отталкивало его, поскольку оно служило цели, чуждой, на его взгляд, интересам народа. «Своим критическим взглядом он познал, что в Революции, несмотря на весь героизм и все самопожертвование народа, несмотря на идеальную конституцию, несмотря на то, что у всех на устах были Свобода, Равенство и Братство,—эксплуатация, угнетение, уничтожение массы, ложь, обман и ханжество не только оставались, но и, где только возможно, еще возросли»⁹.

Таким образом, уже в XIX веке не только было отмечено отрицательное отношение Фурье к Французской революции, но и была вскрыта причина такого его отношения: буржуазная ограниченность Революции и антибуржуазная настроенность Фурье, защита им интересов трудящихся масс. Однако позднее, с распространением реформистского истолкования учения Фурье, мы не находим всестороннего раскрытия его взглядов на Французскую революцию.

Даже в капитальной монографии Юбера Буржена вопрос об отношении Фурье к Французской революции затрагивается лишь попутно: говорится о наблюдениях Фурье в Лионе в годы Революции, о его взглядах на Революцию как порождение строя социального неравенства; отмечаются его высказывания о демагогии и бесплодности революционной политики, об иллюзорности народного суверенитета при отсутствии права на труд и материального обеспечения масс, об «аграрном законе» как опасной химере, о неспособности революционеров создать новый и устойчивый социальный порядок¹⁰. Всестороннего анализа высказываний Фурье по интересующему нас вопросу и соответствующих обобщений Буржен не дает, если не считать некоторых замечаний о его взглядах на революцию как путь к переустройству общества¹¹.

⁶ Ф. Энгельс. Развитие социализма от утопии к науке.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 19, стр. 193; Ф. Энгельс. Анти-Дюринг.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 268.

⁷ Ф. Энгельс. Введение и заключение к «Отрывку из Фурье о торговле».— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 583.

⁸ A. Bebel. Charles Fourier. Sein Leben und seine Theorien. Stuttgart, 1890, S. 22.

⁹ Ibid., S. 23.

¹⁰ H. Bourgin. Fourier Contribution à l'étude du socialisme français. Paris, 1905, p. 36—38, 210, 237, 243.

¹¹ Социальная система Фурье, заключает Буржен, «отвергая частичные реформы как недейственные, допускает полную революцию в обществе, совместимую с непрерывной эволюцией учреждений» (Ibid., p. 598). Вместе с тем Буржен полагает, что социализм Фурье — «это социализм мирный, противостоящий революциям, противостоящий даже политическим реформам, социализм кооперативный и коммунистический... покоящийся на своего рода экономической, административной и либеральной демократии...» (Ibid., p. 606).

Своеобразно освещает вопрос об отношении Фурье к Французской революции Петр Кропоткин. Разделяя мнение, что Фурье был сторонником мирного перехода от современного общественного строя к грядущему, Кропоткин объясняет это тем, что «насмотревшись на жизнь Франции во время якобинской революции, Фурье, как и все поколение, пережившее революцию, безусловно отказался от насильственных мер для установления нового строя»¹². Влиянию наблюдений и переживаний Фурье в годы Революции на формирование его социального учения Кропоткин придает решающее значение. Он полагает, что именно из опыта Великой революции Фурье вынес убеждение о необходимости устранить прежде всего торговлю как зло, мешающее нормальному развитию человечества, о возможности путем соответствующего преобразования производства достигнуть такого роста продукции, который обеспечивал бы довольство для всех, и в достижимости этого не путем государственного переворота, а путем перестройки жизни на началах ассоциации. Кропоткин высказывает предположение, что в 1793 г., когда Фурье был в Лионе, он, «по всей вероятности, знал тамошних сторонников «истинного равенства» Шалье и Ланжа»¹³. Касаясь пути становления идей Фурье, Кропоткин говорит: «Конечно, Фурье пришел к признанию великой роли ассоциации в жизни людей не через изучение всемирного тяготения и физических законов, а благодаря тому, что ему пришлось пережить во время Великой революции в Лионе. Видя голод и экономическую разруху, вызванные якобинской революцией, Фурье стал обдумывать план того, как следовало бы организовать снабжение населения продовольствием, и только потом, быть может, видя трудности, встречающиеся на пути к осуществлению своего плана артельного производства и обмена, он стал искать для оправдания своей теории ассоциации более универсальной основы и объединил ее с великим открытием Ньютона»¹⁴. Наконец, всю мировоззренческую концепцию Фурье, в связи с которой он подает свой социетарный план, Кропоткин рассматривает лишь как литературное оформление, к которому мыслитель вынужден был прибегнуть в условиях послереволюционной реакции. «Быть может, — читаем мы в этой статье, — вследствие отчаянной реакции во Франции, начавшейся после свержения Робеспьера, а особенно со времени наполеоновской империи, Фурье, близко знакомый с ужасами реакции, видел в абстрактно-отвлеченной форме изложения плана своей реформы единственную возможность пустить в мир мысли об общественной перестройке жизни на новых социальных началах, — мысли, за которые заплатились своей головой проповедники «равенства на деле» в 1793 году и коммунисты — Бабеф с товарищами — в 1795 году»¹⁵.

Однако то, что мы находим у Кропоткина по интересующему нас вопросу, — исключение в фурьероведческой литературе. Распространенность представления о безусловно отрицательном отношении Фурье не только к Французской революции, но и ко всякой революции вообще, привела к тому, что даже в специальном исследовании об идее революции в социалистических учениях взгляды Фурье на революцию сознательно оставлены без внимания, так как автор полагает, что «Фурье имеет очень мало отношения к исследованию, которым мы занимаемся», что «в нем нет ничего революционного»¹⁶.

¹² П. Кропоткин. Фурье.— Энциклопедический словарь Гранат, т. 45, ч. II, стр. 61.

¹³ Ланж, как известно, выступал в Лионе с ассоциационистскими проектами разрешения переживаемых народными массами трудностей.

¹⁴ П. Кропоткин. Указ. соч., стр. 64.

¹⁵ Там же.

¹⁶ M. Ralea. L'idée de révolution dans les doctrines socialistes. Etude sur l'évolution de la tactique révolutionnaire. Paris, 1923, p. III, note. Раля излагает фурьеров план преобразования общества следующим образом: «Начинают с торгового поряд-

Между тем уже вскоре другой исследователь, Морис Лансак, бывший секретарь главы Социетарной школы Виктора Консидерана, рассматривая методологические и социальные концепции Фурье, обратил внимание на его положительные высказывания о Французской революции, какие можно найти в посмертно опубликованных рукописях и в рукописях, которые не опубликованы¹⁷. Ссылаясь на эти тексты, автор высказывает даже мысль, что «Фурье, хотя из его произведений, напечатанных при монархических режимах, следует противоположное, в действительности думал о том пути выхода (из существующего строя), который Маркс будет рассматривать как неизбежный»¹⁸.

Все же эти прореволюционные высказывания Фурье и в дальнейшем оставались неизученными, а традиционная трактовка Фурье как абсолютного противника Французской революции — господствующей. Даже в изданном к столетию со дня смерти Фурье труде Ф. Армана и Р. Моблана мы читаем только о том, что «мечта о мирном преобразовании общества... укреплялась у Фурье его ужасом перед насилием»¹⁹, к чему присоединялось выведенное из исторического опыта 1789 и позднейших годов «убеждение, что революционный кризис не принес никакой пользы»²⁰.

Однако анализ текстов Фурье, прямо или косвенно связанных с опытом революционных лет, приводит этих исследователей к заключению, что «Фурье, несмотря на внешнюю видимость, являет собой саму противоположность реформисту»²¹, «если брать слово революция в марксистском смысле, то он антиреволюционер»²²; «но он также и революционер в том, что отвергает идею частных реформ, медленного улучшения существующего строя: чего он хочет, — это коренного, как можно более быстрого преобразования всего общества»²³.

Лишь десять лет спустя Армандо Саитта, хотя и в неспециальной работе на эту тему, отметил некоторые положительные высказывания Фурье о Французской революции и сделал из них соответствующие выводы, указывая, что, «несмотря на общую тенденцию к ее осуждению [позиция Фурье. — И. З.], представляет собой оправдание, если не всей Французской революции в целом, то по крайней мере некоторых ее аспектов»²⁴. Саитта усматривает в опубликованных сочинениях Фурье признание права обездоленного большинства народа объединиться на борьбу с целью отобрать жизненно для него необходимое у владеющего этим меньшинства, признание правомерности действий революционных клубов 1789—1794 гг., являвшихся, на его взгляд, такими объединениями бедняков против богачей. В связи с такой интерпретацией Революции у Фурье даже в сочинениях опубликованных, по словам Саитта, «нет ничего странного в листе рукописи 1803 года, из которого можно сделать вывод, что он присоединяется к ней почти *in toto*»²⁵.

ка, и если это удастся, то продолжают порядком мануфактурным, чтобы закончить сельскохозяйственным порядком. Фурье проповедует благоразумие, он за медленную и постепенную эволюцию». Излишне говорить, что это ничего общего с учением Фурье не имеет. По-видимому, автор даже не обратился к собственным сочинениям Фурье, а черпал свои познания из сочинений реформистских его интерпретаторов, да и то невнимательно прочитанных. Отсутствие знакомства с подлинным Фурье приводит к тому, что Раля даже пишет *falangue* вместо *phalange*

¹⁷ M. L a n s a c. Les conceptions méthodologiques et sociales de Charles Fourier. Paris, 1926, p. 102—103.

¹⁸ Ibid., p. 102.

¹⁹ F. A r m a n d et R. M a u b l a n c. Fourier, vol. I. Paris, 1937, p. 72—73.

²⁰ Ibid., p. 73.

²¹ Ibid., p. 169.

²² Ibid., p. 170.

²³ Ibid., p. 172.

²⁴ A. S a i t t a. Charles Fourier e l'Armonia.— «Belfagor», 1947, p. 281.

²⁵ Ibidem.

Западногерманский историк Тило Рамм относит Фурье к «революционным мыслителям»²⁶, вместе с тем он полагает, что «отвращение к событиям 1793 года, к «деградации в сторону варварства», к демократии вообще возникло у него не в последнюю очередь из-за переживаний после взятия Лиона, при господстве террора Колло-д'Эрбуа и Фуше»²⁷. Анализ высказываний Фурье о переходе к высшему общественному порядку приводит Рамма к выводу, что он считал «скачок» от строя цивилизации к строю гармонии возможным и даже желательным²⁸ и что он «вовсе не исключает полностью насилие»²⁹. Рамм говорит, что Фурье «допускает и признает насилие как эмпирически данное», а потому нельзя относить его безоговорочно к представителям учения о мирном переходе; однако, с другой стороны, из его системы достаточно ясно, что он по сути отвергает насилие³⁰.

Появление в фурьероведческой литературе ссылок на прореволюционные тексты Фурье и соответствующих выводов из их анализа вызвало отпор со стороны тех, кто трактует социетарную теорию как сугубо реформистскую. Особенно резко в этом плане выступил американский фурьеровед Роберт К. Боулз³¹. Уже в статье о «Марксовом приспособлении идеологии Фурье» Боулз, касаясь ссылок на прореволюционные тексты Фурье, отказывается считать ее с такими текстами просто потому, что они, по его словам, «послужат целям воинствующих коммунистов»³². Действуя в том же направлении, он в дальнейшем написал специальную статью о реакции Фурье на Французскую революцию. Здесь он утверждает, будто переживания революционных лет сделали Фурье «резким и озлобленным» по отношению к Революции³³. Задавшись целью доказать, что «выступление против революционного насилия было прочно закрепленным положением его веры»³⁴, Боулз тщательно собрал отовсюду критические замечания Фурье о Французской революции, но при этом истолковал их по-своему, совершенно игнорируя основное — общую их направленность на разоблачение буржуазной ограниченности этой революции: выявление иллюзорности провозглашенных ею «прав» и «свобод» при необеспеченности права на труд и права на средства к существованию, раскрытие подлинного лица утвержденного Революцией общественного строя, несостоятельного в народнохозяйственном отношении, выгодного только богатым и несущего неисчислимы новые страдания неимущим. Фурьерову критику Французской революции, которая, по его словам, началась как «война бедного против богатого», но в конечном счете была использована в своих корыстных интересах «захватившими все богатства и влияние торговцами», Боулз преподносит просто как выступление против всякой революции, как таковой, как решительное и безусловное отрицание всякого вообще революционного насилия, как реформистско-пацифистскую антиреволюционность. В связи с этим он сознательно и упорно замалчивает все то из написанного Фурье, что говорит об **ином**.

²⁶ Th. R a m m. Die grossen Sozialisten als Rechts- und Sozialphilosophen, Bd. 1. Stuttgart, 1955, S. 320.

²⁷ Ibid., S. 319—320.

²⁸ Ibid., S. 327.

²⁹ Ibid., S. 381.

³⁰ Ibidem.

³¹ Основной труд Р. К. Боулза, его докторская диссертация о социальной философии Фурье («The Social Philosophy of Charles Fourier and Its Influence in Europe»), защищенная в 1949 г. в Дюкском университете, не опубликован; но мы располагаем напечатанными в американских журналах двумя его статьями, на основе которых можно судить о его взглядах по интересующему нас вопросу.

³² R. C. B o w l e s. The Marxian Adaptation of the Ideology of Fourier.— «The South Atlantic Quarterly», 1955, vol. 54, № 2, p. 193.

³³ R. C. B o w l e s. The Reaction of Charles Fourier to the French Revolution.— «French Historical Studies», vol. I, № 3, Spring 1960, p. 348.

³⁴ Ibidem.

Итак, даже выборочный обзор литературы, рассматривающей вопро об отношении Фурье к Французской революции (а дать обзор, исчерывающий в рамках настоящей статьи, невозможно), показывает большое разнообразие в его трактовке, выявляет даже взаимно противоположные взгляды исследователей. И для того чтобы установить истину, необходимо, разумеется, обратиться к первоисточнику — к произведениям самого Фурье, отражающим влияние революционной действительности и содержащим собственные его суждения о Революции.

* * *

Есть основания предполагать, что политическая настроенность молодого Фурье в первые годы Революции была довольно радикальной: по данным одного исследования, он тогда сотрудничал в безансонской газете «La Vedette», по духу своему близкой к ставшему знаменитым «Père Duchesne»³⁵.

Что касается переживаний личного характера, которые якобы возбудили неприязнь Фурье к Революции, то мы не находим подтверждения этого ни в написанном самим Фурье, ни в свидетельствах близких ему людей.

Версия, впервые изложенная Пеллареном, о том, что при подавлении контрреволюционного восстания в Лионе в 1793 г. Фурье потерял все свое состояние, а это и оттолкнуло его от Революции³⁶, опровергается тем, что он, как признает и сам Пелларен, никогда ничего такого никому не говорил³⁷. По другим сведениям, он потерял при этих обстоятельствах только личные вещи³⁸, а это, конечно, не могло повести к столь серьезным изменениям в его взглядах.

Служба Фурье в революционной армии в 1794—1796 гг., проект реорганизации снабжения армии и план ее перехода через Альпы, представленные им Директории, отнюдь не свидетельствуют об антипатии к Революции.

Мы не располагаем отражающими его отношение к Великой революции текстами Фурье, написанными в революционные годы. Лишь в записях 1803 г., опубликованных спустя столетия, находим общую ее оценку.

«Первое из цивилизованных государств,— читаем здесь,— ниспровергло все проявления социального шарлатанства: трон, священства, феодальные отношения, биржевая игра — все рухнуло сразу. Казалось, огромное тело народа собралось очистить себя ото всех иссушавших его язв. Это был Геркулес, с грохотом стряхивающий подавляющее его Атласово бремя! Если бы этот кризис не был запятнан предумышленными убийствами, он стал бы достославной эпохой политики; но последняя не сумела открыть социальный порядок, более высокий, чем строй цивилизации, который она разрушала. Социальное движение опускалось к строю варварства вместо того, чтобы подняться выше строя цивилизации, и человечество после кровавых усилий, направленных на то, чтобы порвать свои цепи, увидело, что цепи эти затянуты еще туже... Род человеческий подходил к своему освобождению, порядок цивилизации, варварства и дикости исчезли бы навсегда, если бы французы в [своем] нападении на предрассудки не сделали исключения для брака. Как этот Конвент, который попирает ногами

³⁵ «La Vedette», N 8, Besançon, 30.XI 1792; J.-J. Hemardinquet. La «découverte du mouvement social». Notes critiques sur le jeune Fourier.— «Le Mouvement social», juillet — septembre 1964, N 48, p. 51.

³⁶ Ch. Pellarin. Op. cit., p. 27.

³⁷ Ibidem.

³⁸ J.-J. Hemardinquet. Op. cit., p. 52.

самое божество, размяк перед предрассудком супружества? Это был последний окоп строя цивилизации; в нем он удержался, чтобы вкоре перейти в наступление и снова вступить во все свои владения. Однако какой очищающий крах должен был произойти на всем [земном] шаре, если бы не политическая робость Конвента. Можно сказать, что он сел на мель в виду порта. Размякнув перед лицом брака, он упустил огромную славу и вместо этого пал до великого позора, он претерпел судьбу робких преступников, как и его вождь Робеспьер, который из-за мгновения трусости упустил трон и попал только на эшафот»³⁹.

Попробуем разобраться в приведенном отрывке. Прежде всего — об общей оценке Революции: она характеризуется как великое освободительное движение угнетенного народа, открывшее огромные исторические возможности, вплоть до возможности перехода к высшему общественному порядку. Однако политические деятели, полагает Фурье, этого не поняли и реализовать возможности Революции не сумели. Он осуждает кровавый террор и лично Робеспьера как главного его проводника, полагая, что таким путем революционное движение не только не достигло цели — действительного освобождения народа, но пришло к поражению, которое принесло народу еще большее угнетение. Революция, по мысли Фурье, не привела к новому, более высокому общественному порядку потому, что ее руководители не решились ликвидировать институт брака. Это соображение, на первый взгляд, может показаться весьма странным; но вспомним, что каждая социальная формация образует, по Фурье, структурное единство сцепленных между собой компонентов, а потому устранение даже одного из них с заменой его инородным, принадлежащим к исторически более высокой формации, неизбежно повлечет взрыв изнутри отжившего строя, скорый конец его, полный и всеобщий переход к высшей ступени развития общества; что касается семьи, то это ведь, на его взгляд, основная хозяйственная ячейка строя цивилизации, так что ликвидация ее, с необходимостью влекущая за собой замену ее ассоциацией, была бы, по мнению Фурье, самым верным шагом к выходу из существующего строя, — вот почему он и сожалеет о том, что революционный Конвент на такой шаг не решился.

Отрицательные для народных масс результаты Французской революции и гибель надежд на осуществление ею нового общественного порядка привели Фурье к дальнейшим размышлениям по этому поводу.

В большой тетради, носящей символическое наименование «Eleuthère» (по-гречески ἐλευθέρως — свободный) и содержащей написанное, по-видимому, в 1807 г. сочинение⁴⁰, направленное против рационалистической философии, вдохновлявшей революционеров конца XVIII в., под весьма выразительным заглавием «Заблуждение Разума, доказанное смехотворными положениями неопределенных наук», содержится немало высказываний Фурье по поводу Французской революции.

Исходя из того, что политика — единственная область знания, представляющая полную свободу уму, который руководствуется только здравым смыслом, Фурье заявлял здесь, что в этой области необходимо было проявить справедливость по отношению к угнетенным — к работникам наемного труда и к женщинам, так как улучшение их участи привело бы человечество от строя цивилизации к более высокому общественному порядку⁴¹. С этим-то критерием он и подошел к оценке того, что было совершенно революционерами 1789—1794 гг.

³⁹ Publication des manuscrits de Charles Fourier. Année 1851. Paris, 1851, p. 312—313.

⁴⁰ Это сочинение было опубликовано 40 лет спустя: *Egarement de la Raison démontré par les ridicules des sciences incertaines.*— «La Phalange», t. V; отд. изд. Paris, 1847.

⁴¹ *Egarement...*, p. 36.

Характеризуя ситуацию, сложившуюся во Франции к концу 80-х годов, Фурье писал: «Феодальный строй агонизировал, крестьянам легко становилось постепенно выкупиться, и народ большими шагами шествовал к свободе, когда философия оставила наконец свою пассивную роль и вмешалась в это дело»⁴². Но новая роль философии в революционном движении была, по мнению Фурье, отнюдь не ведущей и не положительной. «По своему обыкновению, — пишет он, — она приписывает себе улучшение, которое выполнило время без ее помощи; она подогрела древние разглагольствования о свободе и равенстве, и на сей раз философы соблаговолили заметить, что земледelec тоже имеет право на гражданскую свободу, чего не предвидели знаменитые философы Афин и Рима»⁴³. В связи с этим, заключает Фурье, хотя «софисты нового времени заслуживают похвалы за то, что выступили за уничтожение агонизирующего феодального строя», все же «их запоздалое вмешательство в это дело доказывает, что у философской секты не хватает изобретательского ума»⁴⁴. Народу, по словам Фурье, нужны были не разглагольствования о свободе и равенстве, не только признание за ним права на политическую свободу, — требовалось обеспечение ему реальных прав, в первую очередь права на труд и права на достойное существование. В этом же отношении философы XVIII в., претендовавшие на руководство общественным движением, нового слова не сказали, а их учение об «общественном договоре», который якобы является основой государства, — это просто заблуждение и обман. «Каково, — восклицает Фурье, — бессилие наших общественных договоров предоставить бедняку достойные и соответствующие его воспитанию средства к жизни, гарантировать ему первое из естественных прав — *право на труд!*»⁴⁵ И тут же он поясняет: «Под этими словами — *естественные права* — я разумею не химеры, известные под наименованием *свободы, равенства*»⁴⁶.

Развитие Французской революции, будь оно направлено на обеспечение естественных прав, прав реальных, на обеспечение справедливости по отношению к наиболее угнетенным — к работникам наемного труда и к женщинам, привело бы, полагает Фурье, к неизмеримо более значительным результатам, а именно — к смене исторического периода. Для этого, по его мысли, деятели Революции должны были обладать не только политическим умом, но и большой смелостью. «Очень мало нужно было, — писал Фурье, — чтобы вандализм 1793 г. внезапно произвел вторую революцию, столь же чудесную, сколь была ужасной первая»⁴⁷. И дальше он почти дословно, но с некоторыми существенными уточнениями, повторил уже приведенные нами строки, имеющиеся в его записях 1803 г.: «Весь род человеческий подходил к своему освобождению: порядок цивилизации, варварства и дикости исчезли бы навсегда, если бы этот Национальный конвент, который попирал ногами все предрассудки, не склонился перед единственным, который важно было сбить, — перед предрассудком брака. Уничтожив его, мы вступили бы в седьмой период, перескочив через шестой»⁴⁸, — вот решающий ход, который упустил Конвент Франции из-за своей робости. Как это Собрание, которое столь решительно было врагом полумера, пошло на такую полумеру, как развод? Как это люди, которые

⁴² Ibid., p. 50.

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibid., p. 38.

⁴⁶ Ibidem. Подчеркнуто Фурье. Позднее Фурье отмечал, что философы, «желая поднять нынешнее поколение к социальному благополучию, подняли его лишь к царству клубов, ассигнатов, затем к царству ажиотажа и анархии времен Директории, закончившейся военным деспотизмом» (Oeuvres complètes, t. III, p. 445).

⁴⁷ Egagement..., p. 36.

⁴⁸ Шестой период, по Фурье, гарантзм, седьмой — социантизм. — И. З.

как бы играючи попирали самое божество, размякли перед обычаем брака? ⁴⁹ Это был последний окоп цивилизации: в нем он удержался, чтобы вскоре перейти в наступление и снова вступить во все свои владения, но что нужно было, чтоб он исчез? Не прибегая к разительным ударам ⁵⁰, как упразднение брака и другие [меры], о которых я буду говорить, имелось много регулярных способов незаметно улучшать участь работников наемного труда и женщин; но преследовательский дух философов, столь ревнивых к удовольствиям женщин, и отсутствие у них заботливости по отношению к работникам наемного труда привели к тому, что мы упустили два главных выхода из строя цивилизации и задержали социальную науку в состоянии детства, в каком мы видим ее еще и сейчас» ⁵¹.

Таким образом, Фурье полагает, что при верном и смелом руководстве Французская революция могла не только покончить с пережитками феодализма, но и пойти дальше — вывести человечество из строя цивилизации путем скачка к строю ассоциации. И если эта возможность не была претворена в действительность, то повинны в этом, на его взгляд, политические руководители революционной Франции. Поэтому он, обращаясь в дальнейшем к вдохновителям и деятелям Французской революции, говорит: «Политики и моралисты, вы не выполнили ни одного из дел, которые были вам назначены... Когда вы ниспровергли католические предрассудки, чтобы поставить на их место эту пошлость, которую наименовали культом разума, разве могла такая перемена улучшить долю работников наемного труда и смягчить супружеское рабство женщин? Нет, без сомнения. Таким образом, никакого прогресса в социальном движении не последовало, — наоборот, оно деградировало после этого события в силу распространения духа торгашества...» ⁵²

Все же Французская революция, хоть и привела не к победе народных масс, а к торжеству торгашей, по мнению Фурье, не прошла бесследно. «Многочисленные изменения, происшедшие в Европе, — пишет он, — умножили семена гражданских смут. Обманчивый покой царит ныне... Бандеи, якобиньерки и коалиции воскресли бы сразу, и взрыв распространился бы на весь Запад. Вулкан, открывшийся в 89 году под влиянием философии, совершил только первое свое извержение; второе не столь уж далеко. Успех Французской революции побуждает к новым революциям. Война бедного против богатого имела успех в столь полной мере, что интриганы всех стран только и стремятся возобновить ее... ⁵³ и разве можно сомневаться в том, что в столь бурный век счастливый случай приведет вскоре к новым возможностям для агитаторов...» ⁵⁴ Отсюда — заключение: «Да, нынешнее затишье — это лишь антракт между революциями, это отдых на мгновение Везувия...» ⁵⁵ И далее: «Да, вулкан 1789 г. бурлит тем больше, что он был внезапно закрыт, — великие революции подготавливаются и грозят уничтожить современные государства, чья торгашеская ярость становится уже тягостной для природы, как и для разума» ⁵⁶.

Таким образом, хотя раскрыть механизм классовой борьбы при капиталистическом строе Фурье не в состоянии, социальная первооснова великой народной революции конца XVIII века для него ясна: это «война бедного против богатого», неизбежная, пока существует строй социальных противоречий. И, несмотря на конечное поражение масс, он отмечает пер-

⁴⁹ В рукописи: «перед предрассудком семьи». — *И. З.*

⁵⁰ В печатном тексте «à des coups d'Etat», в рукописи — «à des coups d'éclat» — *И. З.*

⁵¹ Egarement..., p. 36—37.

⁵² Ibid., p. 85—86.

⁵³ Здесь в рукописи четыре строки, вычеркнутые автором. — *И. З.*

⁵⁴ Egarement..., p. 86.

⁵⁵ Ibidem.

⁵⁶ Ibid., p. 88.

воначальный успех народа и вдохновляющую силу этого успеха для дальнейшей борьбы за лучшее будущее. Однако, признавая правомерность и даже неизбежность новой революции не только во Франции, но и в других странах, Фурье все же не на стороне тех, кто хочет вызвать эту революцию.

Такие мысли не оставляют Фурье и в дальнейшем, о чем свидетельствует, в частности, то, что в «Теории четырех движений», опубликованной в 1808 г., мы встречаем почти полное повторение прежде сказанного. «Да,— читаем мы в этом произведении,— порядок цивилизации все более и более расшатывается; вулкан, открытый в 1789 г. философией, находится лишь при первом своем извержении, другие последуют, как только слабая власть будет благоприятствовать агитаторам. Война бедного против богатого столь счастливо преуспела, что интриганы всех стран только и стремятся ее возобновить. Напрасно пытаются ее предотвратить; природа насмехается над нашей предсмотрительностью; она сумеет привести к тому, что революции рождаются из мер, какие мы предпримем для обеспечения спокойствия...»⁵⁷ Фурье и здесь подчеркивает социально-историческую закономерность Французской революции, неизбежность ее возобновления и развития. Правда, здесь, в произведении, печатавшемся после установления Империи, он усиливает формулировки, которые должны исключить всякое подозрение в сочувствии его лично возмутителям спокойствия.

Фурье развивает здесь свою критику Французской революции, последовательно проводя мысль, что ход и результаты ее доказывают несостоятельность вдохновлявшей революционеров философии. «С того времени как философы дали доказательство неумелости в своем опыте, во Французской революции,— пишет он,— каждый согласен смотреть на их науку как на заблуждение духа человеческого: потоки политического и морального просвещения оказались лишь потоками иллюзий»⁵⁸. После крушения иллюзий, в котором «политические и моральные науки были опозорены и бесспорно лишены доверия», «стало очевидным, что ни философы, ни их соперники не сумели найти средство от социальных страданий и что под догмами тех и других мы всегда видим увековечение самых постыдных бичей, среди них — нищеты»⁵⁹.

Но не только против вдохновителей Французской революции, обанкротившихся сеятелей иллюзий, направлена критика Фурье. Он обрушивается и на активно участвовавших в ней людей практики, причем ставит на одну доску вожakov плебейских масс и искателей личной наживы. «Так,— пишет он,— клубисты и плуты-дельцы придерживаются одной и той же тактики — дезорганизовать и грабить, опираясь на показательные бедствия: в конечном счете, клубы, или союзы агитаторов бедных, стремящихся грабить богача, и скупщики, или союзы агитаторов богатых, стремящихся грабить бедняка, являют во всех своих приемах самое полное сходство — это двух видов якобиньерки: один — в формах резких, другой — в формах приятных...»⁶⁰ Очень странно, что после всего сказанного им о самоотверженных усилиях революционных масс, с одной стороны, и о торгашах, наживавшихся на следствиях Революции, с другой стороны, Фурье считает возможным отмечать здесь лишь то, в чем он усматривает внешнее сходство между приемами действий этих антагонистов, совершенно отлекаясь от им самим раскрытой социальной сущности.

В написанный два года спустя набросок «О союзном складе товаров, или об отмене торговли», который был опубликован лишь почти два десятилетия спустя после его смерти, Фурье вносит существенное уточнение по воп-

⁵⁷ Oeuvres complètes de Ch. Fourier, t. I, 2e éd. Paris, 1841, p. 413.

⁵⁸ Ibid., p. 3.

⁵⁹ Ibid., p. 4.

⁶⁰ Ibid., p. 372.

росу об историческом значении философии XVIII в. в ее связи с Французской революцией. Из того, что для революционеров 1789 г. философия была источником вдохновлявших их идей, вовсе не следует, замечает он, приписывать Революцию философам. Сравнивая Французскую революцию с Брабантской, он говорит, что философия была лишь «личной агитаторов» в первой, подобно тому как во второй ею были религиозные предрассудки; причина же возникновения революции в обоих случаях, как и причина всякой революции вообще, в ином — в расстройстве хозяйственной жизни и неспособности правительства преодолеть его. «Повсюду, где эти зародыши смуты сочетаются, — шипет Фурье, — мы видим, как раздражает революция, в которой интрига прикрывается личиной воззрений [сегодняшнего] дня, пускает в ход пользующиеся доверием рычаги»; так что всякая революция бывает обусловлена причинами реальными, а «всякое учение совершенно не повинно в революциях, которым оно служит в качестве [рычага]»⁶¹.

Что касается философов XVIII в., добавляет Фурье, то они «оказались обманутыми в ходе Революции, ибо почти все они потеряли в ней состояние и жизнь»⁶². В ходе Революции, по его словам, сначала лишились уважения и были устранены наиболее честные из них, затем та же судьба постигла наиболее склонных к проискам, потом, при революционном терроре, отправлялись на казнь философы хорошие и дурные без разбора, наконец, после революции вину за все ее ошибки взвалили на тех же философов, и особенно отличились при этом захватившие все богатства и влияние торговцы, которые «нанесли ослиным копытом удар этим несчастным ученым», стремясь «также очернить философию и поставить ей в вину Революцию, из которой они столь изрядно извлекли себе пользы»⁶³.

В дальнейших произведениях Фурье — в «Трактате об ассоциации», опубликованном в 1822 г. в «Новом мире», изданном в 1829 г., и в появившейся год спустя «Книжке возвещения о Новом мире» — критика Французской революции приобретает более многосторонний и углубленный характер.

Говоря о возникновении Революции, Фурье отмечает, что она могла бы быть предотвращена, если бы правительство 1788—1789 гг. знало «теорию положительных гарантий» и содействовало организации «согласованного хозяйствования» и «торговли правдивого образа», если б оно не призвало «интриганов», которые стали разжигать «политическую борьбу между двором и народом», задавшись целью создать «корпус представителей, ведущий войну против власти ради захвата теплых местечек»⁶⁴.

Неоднократно выступал Фурье по поводу провозглашенного Революцией девиза «Свобода, Равенство, Братство». Разоблачая недостаточность одного лишь провозглашения такого девиза, он с возмущением восклицал: «Как люди осмеливаются говорить, что дают свободу народу, когда не могут гарантировать ему даже отталкивающий труд, от которого зависит его существование!»⁶⁵ В другом месте, отмечая, что вдохновители и вожди Революции обещали «две несовместимые со свободой химеры — равенство и братство», он пронизировал по поводу «братства, корифеи которого посылают друг друга одного за другим на эшафот», и по поводу «равенства, при котором народ, удостоенный наименования сувереном, не имеет ни работы, ни хлеба и продает свою жизнь по пять су за день, влекомый на бойню с цепью на шее»⁶⁶. И с горечью Фурье заключал: «Таковы прояв-

⁶¹ Publication des manuscrits de Ch. Fourier. Années 1853—1856. Paris, 1856, p. 109.

⁶² Ibid., p. 110.

⁶³ Ibidem.

⁶⁴ Livret d'annonce du Nouveau Monde. Paris, 1830, p. 84—85.

⁶⁵ Oeuvres complètes, t. III, p. 176.

⁶⁶ Ibid., p. 159—160.

ления на деле, какие мы видим при этом режиме, где равенство и братство сочетались с фантомом свободы»⁶⁷.

Будучи решительным противником восходящих в 1789 г. «либеральных, или представительных, конституций, являющихся боевым коном философического мира, стержнем всех систем совершенствуемости»⁶⁸ существующего строя, Фурье резко критикует порожденные Французской революцией конституции, в которых, по его словам, «номинальными пружинами являются свобода, равенство и братство»⁶⁹. Столь же решительно выступает он против провозглашенных ею номинальных прав человека и гражданина. «Бедняку,— пишет он в «Трактате об ассоциации»,— перевозноят прекрасное наименование Свободного Человека, неотъемлемые права гражданина, а у него нет ни свободы работать и принимать участие в занятиях, каким его научили, ни права требовать допущения к этой работе, от чего зависят его средства к жизни. Когда он лишен работы, требуется, чтобы он, не жалуясь, умирал с голоду; если же он из нужды просит милостыню, то попадает в заключение во имя чести прекрасного наименования Свободным Человеком и неотъемлемых прав цивилизованного, кого лишают единственного права, какое ему нужно,— права на труд»⁷⁰.

Фурье разоблачает пышное словесие тех революционеров, которым слова служат, по его мнению, не в качестве выражения подлинных мыслей, а в качестве прикрытия политики, не дающей ничего обездоленным массам. «Обе науки — философия и богословие, которые сулят бедняку столько счастья,— читаем мы в опубликованном посмертно наброске «О свободе воли», написанном, по-видимому, в 1821 г.,— прикрываются личинами *равновесия, противовеса, гарантии, совершенствуемости*. Эти словеса можно сравнить с разглагольствованием якобинцев 1793 г., которые на каждом слове заставляли звучать *принципы, деяния, справедливость и благо отечества* и т. д. Дивная штука при строе цивилизации это злоупотребление словами!»⁷¹

Подвергается критике со стороны Фурье и установленная Французской революцией представительная система управления, основанная на всеобщем избирательном праве. Автор «Трактата об ассоциации» показывает, как это право сводится на нет при отсутствии гарантии труда и минимума средств к существованию, как при таком положении оно приводит к опасным для общества последствиям, если бедняк из нужды продаст свой голос⁷². Позднее, в «Новом мире», он считает нужным во избежание превратного истолкования его позиции оговориться: «(Осуждая ее [представительную систему.— И. З.], я далек от объявления себя сторонником абсолютизма;... я хочу только сказать, что благодеяния, которых безрассудно ждут от представительной системы, могут народиться только от реального прогресса... Этот реальный прогресс имел бы прекрасное свойство удовлетворять все классы, которые ныне пустились на самые безумные меры, будучи встревожены ложным прогрессом, наугапы системой, из которой, как мы видели, вылупились Мараты и Бабёфы...»⁷³

Возражая тем, кто подумывает о восстановлении дореволюционного порядка как о «единственном пути добра», Фурье указывает на полную нереальность их «ретроградной политики». «Без сомнения,— заявляет он,— весьма возможно восстановить *формы* прошлого... Но разве можно восстановить *существо*, дух общества 1780 года? Нет, основы уже

⁶⁷ Ibid., p. 160.

⁶⁸ Livret d'annonce du Nouveau Monde, p. 60—61.

⁶⁹ Oeuvres complètes, t. III, p. 184.

⁷⁰ Ibid., p. 136—137.

⁷¹ Publication des manuscrits de Ch. Fourier. Années 1857—1858. Paris, 1858, p. 238.

⁷² Oeuvres complètes, t. IV, p. 275.

⁷³ Oeuvres complètes, t. VI, p. 415.

больше не те...»⁷⁴ Мыслитель, чьи взоры всегда обращены не назад, к прошлому, а вперед, к грядущему, отнюдь не был противником существа провозглашенных революцией свободы и демократии, — он только утверждал, что при сохранении существующего строя экономических и социальных отношений они иллюзорны, что они не могут быть *путем* к коренному преобразованию общества, а возникнут лишь как *следствие* такого преобразования, ибо только строй ассоциации, строй социальной гармонии обеспечит действительное их осуществление⁷⁵.

Некоторые замечания о политических идеях Французской революции содержит напечатанная в 1833 г. статья Фурье о «какофонии в Париже по поводу ложных прав человека и ложной ассоциации»⁷⁶. Фурье высказывает здесь сожаление по поводу того, что после четырех с лишним десятилетий, минувших со времени Революции, возрождаются старые споры о правах человека и появляется даже Общество прав человека. Между тем, по его мнению, не может быть и речи об осуществлении этих прав до преобразования всей системы хозяйствования из несогласованной и отталкивающей в согласованную и привлекательную. Для всякого добросовестного человека ясно, что важнее всего признать за каждым право на средства к существованию; но и те, кто на словах признает это право, на деле не указывает средств для его обеспечения, — выходит, что сейчас, при строе цивилизации, говорить о правах человека просто нелепо, а обеспечение права на минимум средств к существованию привело бы к ниспровержению самого существующего строя. Следовательно, разговоры о правах человека, провозглашенных Французской революцией, и поныне представляют собой, по словам Фурье, «просто какофонию».

Наконец, в изданном в 1835—1836 гг. последнем своем большом сочинении — о двух противоположных системах хозяйствования — Фурье, не касаясь непосредственно Французской революции, возвращается к сюжетам, с нею связанным. Так, говоря о провозглашенном Революцией суверенитете народа, он пишет, что это «химера, которую определенные политики провозглашают *без улыбки*, хотя трудно понять, что же это за суверен без хлеба, без одежды в стране, где все имеется в изобилии; в стране, где его представители, *его приказчики*, не хотят заняться обеспечением ему права на плодоносный труд и на *минимум* достойного содержания»⁷⁷. И в другом месте этого сочинения, еще раз утверждая это неотъемлемое право человека, Фурье заявляет, что «это право возлагает на социальный корпус *обязанность* обеспечить народу минимум содержания», и добавляет: «Поскольку эта обязанность не признана, никакого взаимно согласованного общественного договора нет, — налицо только союз для угнетения, союз владеющего [собственностью] меньшинства против большинства, которому недостает необходимого и которое в силу этого стремится вернуть [свое] право образовывать клубы, или внутренние союзы, для отнятия собственности у обладателей»⁷⁸. Так Фурье, не будучи сторонником революционного насилия, все же к концу своей жизни пришел к пониманию того, что современное ему общество антагонистично: это, с одной стороны, организация насилия имущих над неимущими, с другой — правомерные объединения неимущих, борющихся за социальную справедливость.

Попытаемся сделать из нашего обзора относящихся к Французской революции высказываний Фурье некоторые обобщающие выводы.

⁷⁴ Oeuvres complètes, t. V, p. 602.

⁷⁵ Ibid., t. I, p. 15; t. IV, p. 409.

⁷⁶ Cacophonie dans Paris, sur les faux droits de l'homme et l'association fautive.— «Le Phalanstère», t. 2, № 36, 16 novembre 1833, p. 389—395.

⁷⁷ La fautive industrie, morcelée, répugnante, mensongère, et l'antidote, l'industrie naturelle, combinée, attrayante, véridique, donnant quadruple produit, t. I. Paris, 1835, p. 9.

⁷⁸ Ibid., t. II. Paris, 1836, p. 491.

Придерживаясь своего представления о закономерности социально-исторического процесса, Фурье видит во Французской революции явление, обусловленное предшествующим развитием Франции, которое к концу 80-х годов создало необходимые предпосылки экономического и политического характера: кризис феодального строя, расстройство народного хозяйства (особенно финансов), рост недовольства масс и неспособность правительства справиться с создавшимся положением. Использование социальных и политических идей философии XVIII в. в революционной агитации Фурье рассматривает не как основной фактор Революции, а лишь как средство, сыгравшее определенную, но не определяющую роль. Французская революция, на его взгляд,— великое освободительное движение народных масс, обладавшее огромной потенциальной силой, которая могла привести к величайшему повороту в истории человечества — переходу к более высокому общественному порядку. Однако она не дала ожидаемых результатов из-за политического руководства, пренебрегшего интересами наиболее угнетенных — работников наемного труда и женщин. Вместо обеспечения реальных прав, в первую очередь права на труд и права на минимум средств к достойному существованию, революционные политики декларировали номинальные права человека, права ничем не обеспеченные, иллюзорные. Выиграли в конечном счете, как констатирует Фурье, не обездоленные массы, а ненавистные торгаши, которые захватили все богатства страны и господствующее влияние в государстве. Это обусловило разочарование Фурье в революции; оттолкнула его и жестокость революционного террора. Все же это не мешало ему признать огромное значение Революции как «войны бедного против богатого», которая, будучи первоначально успешной, стала вдохновляющим примером. После глубоких перемен, совершенных Революцией, возврат к прошлому, как полагает Фурье, невозможен, а послереволюционная реакция возбуждает отвращение, поскольку она проникнута торгашеским духом и усилила угнетение народных масс. Несмотря на репрессивную политику власть имущих, назревает вторая революция с целью завершить то, что было упущено в годы Французской революции. Новая революция может разразиться с еще большей силой, если ее не предотвратить преобразованием общества на началах удовлетворяющей все классы ассоциации, основы которой разработаны в его, Фурье, учении.

В общем, как мы видим, отношение Фурье к Французской революции вовсе не было столь резко отрицательным и враждебным, как это пытаются представить некоторые необъективные исследователи Фурьерова критика Революции и установленной ею системы экономических, социальных и политических порядков всегда исходит из интересов народных масс, в первую очередь лишенных собственности трудящихся. Эта критика, несмотря на противоречия, возникающие из антипатии Фурье к революционному террору и его проводникам, несмотря на его резко отрицательное отношение к вдохновлявшей революционеров философии, не имеет ничего общего с нападками реакции,— это критика в основном прогрессивная, и такую критику Революция провозвестник социальной гармонии последовательно развивал на протяжении всей своей жизни.

* * *

Наблюдения и переживания Фурье в годы Великой французской революции и основанные на них его размышления в значительной мере (но, конечно, не исключительно) определили всю совокупность его социального учения как в критической его части, так и в части конструктивной. В рамках настоящего очерка нет, разумеется, возможности проследить во всех подробностях отражение их на протяжении всего творчества этого мыслителя. К тому же в Фурьеровой критике капитализма и в основанных на противопоставлении ему планах грядущего выделить то, что подсказано

только наблюдениями революционных годов, чрезвычайно трудно. Поэтому мы ограничимся лишь некоторыми замечаниями о выводах Фурье относительно исторической закономерности революций и возможностей выхода из существующего строя к высшему общественному порядку, к строю гармонии.

В одной из рукописей 1803 г., где встречаются уже приведенные выше первые высказывания Фурье о Французской революции, мы находим связанные с ними рассуждения более общего характера.

«Всякое общество, — читаем мы в этом отрывке, — несет в себе способность породить то, что последует за ним. Оно приходит к кризисному моменту родов, когда достигло полноты существенных своих характеристик особенностей. Итак, поскольку сущностью порядка цивилизации является коварство, этот порядок должен породить зародыши другого, как только коварство станет утонченным и будет доведено до самой высокой степени. Вы подходите к апогею коварства из-за торгашеского духа, приведшего к промышленному феодализму компаний и к нового рода ужасам, кой-какие прелюды которых мы уже видели в Бенгалии. Вскоре они возбудили бы всеобщее возмущение против торгашеских заговоров и отвратительных наук, их поощряющих. Необходимость обрушиться на торговцев и подавить их привела бы к методам хозяйственной гарантии, которые являются зародышем десятого общественного порядка⁷⁹, и эта революция не была далека. Так социальное движение, делая шаг в каждый век, незаметно шествует вперед по огромному своему пути развития»⁸⁰.

Общий вывод Фурье в результате исторического и критического рассмотрения строя цивилизации — смертный приговор этому строю. Фурье подчеркивал невозможность его исправления, доказывал несостоятельность идей о его совершенствуемости, об излечении его пороков. Неоднократно, с большой страстностью и убедительностью, доказывал он, что пороки эти органически свойственны существующему строю, что исправлением отдельных частей общей положение изменить невозможно. Резко критикуя политику реформ, он писал в 1803 г.: «Замечая некоторые из пороков политики, я не имею намерения указывать коррективы. Открытие законов движения призывает нас проникнуться отвращением к строю цивилизации, а не исправлять его. Я хотел лишь выдвинуть в качестве основного положения [признание] немочи, которой она [цивилизация] поражена, дать почувствовать, что она заблудилась в порочном кругу, в полумерах, не достигающих цели»⁸¹.

Несколько лет спустя он писал, что даже «наиболее мудро продуманные реформы приводят лишь к кровопролитиям», ибо и после их проведения «проходят века, а народы стонут в страданиях, ожидая того, что новые революции снова свергнут в небытие колеблющиеся государства», которые «обречены на взаимоуничтожение, поскольку они доверяются философии, науке, враждебной политике единства, науке, которая является лишь личиной интриги и служит только усилению действия бродил революции по мере того как время порождает их»⁸². Позднее Фурье утверждал, что частичные реформы не только бесполезны, но и вредны, так как при существующем строе всякое добро обращается во зло, поскольку оно, поддерживая общий порядок, содействует лишь укреплению негодного строя общества. «Я ограничусь, — писал он, — тем, что отмечу досадное свойство, каким обладает порядок цивилизации, свойство порождать зло из элементов добра; отсюда я заключаю, что безумием является желание улучшить строй цивилизации посредством каких-либо нововведений. Цен-

⁷⁹ То есть строя гармонии по социально-исторической схеме Фурье. — И. З.

⁸⁰ Publication des manuscrits de Ch. Fourier. Année 1851. Paris, 1851, p. 312.

⁸¹ Ibid., p. 311.

⁸² Oeuvres complètes, t. I, p. 416.

ным нововведением будет только то, которое откроет нам выход из этой социальной бездны»⁸³. И в другом месте он пояснял: «Ошибка людей нового времени — в том, что они хотят получать кусочек за кусочком все те блага, которые следует ввести коллективно и одновременно путем ассоциации»⁸⁴. «Это... верх непоследовательности,— развивал он свою мысль,— пытаться усовершенствовать строй цивилизации... Единственная задача социального разума — искать выхода из строя цивилизации, а не совершенствовать его»⁸⁵.

Придя к такому антиреформистскому выводу, Фурье доказывал, что в развитии человеческих обществ, на определенных его этапах, революции закономерны, что при определенных обстоятельствах назревание их неизбежно, и всякие усилия репрессивной политики неспособны предотвратить их и спасти отживающий строй. «Революции,— писал он в 1807 г.,— следуют, все возрастая; все больше и больше видно, как они назревают вдали, при отсутствии какого-либо средства избежать их, и их неизбежность доказывает, что политика никогда не имела ни малейшего понятия о преобразованиях, каким может подвергнуться порядок цивилизации. Революции возвещают об усталости и нетерпении природы: она находится в состоянии возбуждения, чтоб избавиться от строя цивилизации и варварства»⁸⁶.

Будучи внимательным наблюдателем развития современного общества, Фурье замечал, как противоположные по своим интересам классы подготавливают каждый свою революцию. С одной стороны, это «революция монополистов», исключительная по своей жестокости, когда «Нероны и Робеспьеры показались бы детьми по сравнению со злым духом торгашества, обрушившимся против народов»; она имеет целью установить опирающееся на растущую военную силу «неограниченное господство торговых и финансовых систем», «четвертую фазу периода цивилизации»⁸⁷; с другой стороны, это революция, к которой репрессивная политика современных государств толкает рабочий класс, революция, о которой Фурье пытается создать представление на основе наблюдения лионских событий⁸⁸.

Выступление рабочих Лиона началось, по словам Фурье, с «совершенно справедливой по своим мотивам коалиции» и привело к восстанию, жестоко подавленному вооруженной силой. Несмотря на кровопролитие, лионские рабочие продолжают свою справедливую борьбу, и «это сопротивление рабочих является весьма законным и весьма естественным», а применение против него насилия не может привести к умиротворению. Однако Фурье далек от мысли, что именно рабочий класс, вынужденный к революции во имя защиты своих жизненных интересов, может и должен оказаться историческим носителем грядущего строя социальной гармонии. Он полагает, что единственный верный выход из существующего, но уже отживающего строя — создание опытной колонии, подлинной производственной ассоциации на основе согласованного, свободного и привлекательного труда. Основание этого «пробного образца согласованного хозяйствования» было бы, по мысли Фурье, «операцией, которая положит конец бунтам, революциям, нищете и преступлениям»⁸⁹.

Ниспровержение строя цивилизации, «господства торгашества», Фурье мыслил как переворот мирный, бескровный: ужасы пережитой Французской революции внушали ему стремление избежать их повторения. Все

⁸³ Ibid., t. V, p. 294.

⁸⁴ Ibid., t. III, p. 106.

⁸⁵ Ibid., p. 120.

⁸⁶ Egarement de la Raison..., p. 40.

⁸⁷ Ibid., p. 65—66.

⁸⁸ Cacophonie dans Paris...— «Le Phalanstère», t. 2, N 36, p. 391—395.

⁸⁹ Ibid., p. 392.

надежды он возлагал на возможный, необходимый и даже неизбежный, по его мнению, быстрый и мирный переход человечества к строю ассоциации, как только превосходство его над «раздробленным порядком» будет доказано теоретически и на опыте. Он придумывал различные возможные «выходы из строя цивилизации» (в «Трактате об ассоциации» их перечислялось 12⁹⁰, в таблице в «Новом мире»⁹¹ и в специальной статье, опубликованной после смерти Фурье⁹², предусматривалось 32 выхода). Провозгласив «право на труд» и «гарантию минимума», Фурье планировал не только строй гармонии, но и всевозможные организации «гарантизма» и «социантизма», которые могли бы служить ступенями к «гармонизму», если бы не удалось, как он мечтал, совершить непосредственный переход к нему. Но все эти переходные учреждения никогда не были для него целью, общественным идеалом, а намечались лишь, так сказать, на худой конец; сам же Фурье считал желательным и возможным «скачок» к идеальному будущему⁹³.

Стремясь к коренному, полному переустройству общества и предвидя переход человечества к строю свободного коллективного труда, Фурье, как видно уже из критики им Французской революции, отражал прежде всего интересы трудящихся, чаяния развивавшегося в недрах буржуазного общества пролетариата, тогда еще не созревшего до исторической самостоятельности. Однако он никогда не признавал себя защитником только чьих-либо классовых интересов, — он мыслил о благе всех классов общества, об освобождении всего человечества. Это — вместе с непониманием исторической роли пролетариата — удерживало его далеко от мысли о пролетарской социальной революции как единственном верном пути к выходу из существующего строя. Мало того, свое учение об ассоциации он представлял как средство — и единственно верное средство — предотвращения такой социальной революции. Так, уже в рассматривавшемся выше раннем своем сочинении о «Заблуждении Разума», нарисовав картину подготавливающихся новых народных революций, продолжающих развертывающуюся во время Французской революции «войну бедного против богатого», Фурье заканчивал следующим обращением: «Трепещите, государи и собственники, думая об этих страшных истинах; и воздайте благодарность открытию, которое избавит вас от столь досадного будущего, предлагая вам выход из этого строя цивилизации, более вулканического и ненавистного, чем когда-либо»⁹⁴. Полтора десятилетия спустя в предисловии к «Трактату об ассоциации» он писал, что для предотвращения революции «необходимо было поглотить революционный дух в новых интересах, достаточно могучих, чтобы ввергнуть в презрение демократические химеры, — таково будет действие ассоциации»⁹⁵. Позднее в «Книжке воззвания о Новом мире» Фурье называл в качестве наук, которые могли бы предотвратить революции, «анализ строя цивилизации» и «теорию положительных гарантий»⁹⁶. Мысль об ассоциации, созданной на основе его социетарного плана в качестве средства предотвращения всяких революций, выражена, как мы видели, в рассмотренной выше статье, относящейся к 30-м годам⁹⁷; ее можно встретить и в других сочинениях Фурье — она проходит как одна из основных через все его творчество.

Придя к убеждению в недостаточности пути, по которому пошла Французская революция в своей буржуазной ограниченности, но не дойдя до

⁹⁰ Oeuvres complètes, t. III, p. 140.

⁹¹ Ibid., t. VI, p. 442—443.

⁹² Des diverses issues de la Civilisation.— «La Phalange», sept.— oct. 1849.

⁹³ Oeuvres complètes, t. I, p. 272.

⁹⁴ Egarement de la Raison..., p. 87.

⁹⁵ Traité de l'Association domestique-agricole. Paris, 1822, p. XIX—XX.

⁹⁶ Livret d'annonce du Nouveau Monde, p. 85.

⁹⁷ Cacophonie dans Paris...— «Le Phalanstère», t. 2, N 36, pp. 392—395.

средства против страданий народов»¹⁰¹. Ставя вопрос, можно ли путем свободы привести человека строя цивилизации к мудрости, Фурье отвечал на него отрицательно, полагая, что человек этого строя «существо без разума», которое использует свободу только для того, чтобы становиться на сторону зла, противиться всякому полезному преобразованию, а потому «ради собственного его блага надо применить к нему средства принуждения»¹⁰². В «таблице выходов из строя цивилизации», составленной Фурье, имеется перечень «путей принуждения»¹⁰³, а в одной из рукописей сказано: «Именно ради вашего блага, именно для того, чтобы быстро избавить вас от строя цивилизации, природа благоприятствовала и еще благоприятствовала бы политическим или кровавым преступлениям. . .»¹⁰⁴. Но какие именно «средства принуждения» Фурье имел при этом в виду, из его писаний не ясно.

Несмотря на такие высказывания, Фурье, как и другие выдающиеся социалистические мыслители его времени, под влиянием общего разочарования во Французской революции, занимал позицию отрицания революционного насилия как орудия социального прогресса. Он был одним из представителей критически-утопического социализма, которые «хотят достигнуть своей цели мирным путем» и «отвергают поэтому всякое политическое, и в особенности всякое революционное, действие»¹⁰⁵. Однако, и не будучи революционером в общепринятом смысле этого слова, Фурье все же решительно отвергал реформизм и не исключал возможности и правомерности насильственных средств перехода к высшему общественному строю. Вместе с тем — и это главное — глубоко революционны его социальная критика и общая социально-историческая концепция: именно они дают основание отнести Фурье к числу тех мыслителей, которые, по словам Маркса и Энгельса, «были во многих отношениях революционны»¹⁰⁶.

Ссылки на материалы к теме:

И.Зильберфарб. Творческий путь Шарля Фурье

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fourier_fe-58.pdf

Е.Кожокин. Шарль Фурье и современная

идеологическая борьба во Франции (Гошисты о Фурье)

http://vive-liberta.narod.ru/journal/fourier_kozhokin_fe-79.pdf

В.Вознесенская. Экономические воззрения великих

социалистов-утопистов Запада

http://enlightment2005.narod.ru/arc/utopists_voznesenskaya.pdf

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей. Перв.половина 19 в.

<http://vive-liberta.narod.ru/biblio/volgin7.pdf>

В.Волгин. Французский утопический коммунизм

http://narod.ru/disk/8863360000/volgin_soc1.pdf.html

В.Волгин. Очерки истории социалистических идей с древности до конца XVIII в.

[Http://enlightment2005.narod.ru/science/volg_soc4.pdf](http://enlightment2005.narod.ru/science/volg_soc4.pdf)

¹⁰¹ Oeuvres complètes, t. II, p. 455.

¹⁰² Ibid., t. IV, p. 146—147.

¹⁰³ Ibid., t. III, p. 140; t. VI, p. 442—443; «La Phalange», sept.—oct. 1849, p. 191.

¹⁰⁴ Publication des manuscrits. Année 1851, p. 312.

¹⁰⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Манифест Коммунистической партии.— К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 456.

¹⁰⁶ Там же

понимания исторической необходимости пролетарской революции и в связи с этим отвергая революционный путь к новому общественному строю, Фурье, однако, всегда был самым решительным противником мещанского покоя и реформизма. Разоблачая несостоятельность политики «золотой середины», умеренности и постепенности, он писал: «Мы затрудняем Природу, оставаясь дольше двух тысяч лет закоснелыми в одних и тех же пороках. Всякая социальная летаргия является препятствием ее шестивою; она [природа] требует крайних проявлений преступления или добродетелей, ведущих к той же цели, к смене социального периода... Торжество умеренности, которая держала бы в состоянии равновесия пороки и добродетели, увековечило бы разрушительный порядок, подобно тому как политическое равновесие держав увековечивает их войны»⁹⁸.

Фурье полагал, что ход исторического развития сам по себе ведет строй цивилизации к неизбежной «естественной смерти»: это — длительный процесс постепенного угасания, прохождения через все ступени, в том числе и через последнюю фазу — «финансового феодализма», мирового господства монополий, которые уничтожат «торговую анархию». Однако прохождение человечеством каждого исторического периода по всем его фазам Фурье отнюдь не считал неизбежным. Он полагал, что по достижении апогея того или иного периода общество уже обладает необходимыми предпосылками для непосредственного перехода к следующему периоду. Прохождение нисходящих фаз упадка (хотя и с моментами прогресса), по Фурье, оказывается вынужденным лишь в том случае, если общество не способно сделать необходимый и возможный «скачок».

Фурье полагал, что в процессе развития современного общества возможны не только «естественная смерть» строя цивилизации, но и «конец» его, или «локальное падение», вызванное теми или иными событиями и не исключающее возрождения, и «закрытие» строя цивилизации, когда «он будет оставлен при отсутствии желания проходить четвертую его фазу и фазы шестого периода — гарантизма», «при виде общества неизмеримо более высокого в отношении доходов и наслаждений»; однако от употребления этих терминов он отказывался, так как считал их «неподходящими»⁹⁹.

«Скачок» от периода цивилизации к периоду гармонии представляется Фурье наиболее кратким, легким и верным, жизненно необходимым; но осуществление его не произойдет автоматически, — он в известной мере зависит от воли людей. На случай же, если совершить такой скачок человечество не решится, он предусматривает другие возможности перехода к строю ассоциации — через ряд мероприятий так называемого «гарантизма». Однако этот путь, за который, по словам Фурье, «ухватятся умы робкие и умеренные», его самого не привлекает: гарантизм даст только «умеренное счастье», да и то лишь спустя десятилетия тяжелых усилий, а конечная цель — «социетарная гармония» — может быть достигнута таким путем лишь через столетия. «Этот путь, — заключает Фурье, — был бы медленным и тягостным, ибо род человеческий нуждается в том, чтобы прийти быстро к цели»¹⁰⁰.

Отстаивая «скачок» как лучший путь к строю гармонии в противоположность гарантистскому эволюционизму, Фурье не исключал и принуждение насилем как одно из возможных средств на этом пути, поскольку в обращении «с такими порочными и ограниченными умами, как люди строя цивилизации, рассчитанное подавление может стать движущей силой более разумной, чем призрак свободы, от которого не видать какого-либо

⁹⁸ Publication des manuscrits. Année 1851, p. 312.

⁹⁹ Des diverses issues de Civilisation. — «La Phalange», sept. — oct. 1849, p. 190.

¹⁰⁰ Ibid., p. 192.